

Демоны

Яреци Фернандез

После странной встречи в парке прошло несколько дней, и девушка постаралась сделать все возможное, чтобы Кимико не встречалась с этим человеком. Во-первых, она не водила Кимико в этот парк. Во-вторых, пришлось ходить в дальние магазины. С в-третьих, было достаточно накладно, так как квартира дипмиссии Испании, где она прожила какое-то время после секты, находилась далеко. В свою квартирку, которая появилась после размена их большой квартиры она не могла вернуться, так как она сдавалась.

Первые дня три Кимико просилась в парк, но она не разрешала ей. Потом дочь пересыла проситься в парк и не разговаривала с ней. Обижалась, и Яреци никак не могла понять, что нужно делать. Она старалась играть с Кимико, но ничего не получалось. Кимико не хотела с ней взаимодействовать, и несколько раз сказала, что хочет, чтобы поскорее вернулся папа.

Тору застрял в экспедиции еще на неделю, его телефон был недоступен и девушка могла бы думать о том, что он ее бросил, если бы не поддержка его семьи. Они никогда не откажутся от этого ребенка, значит, он не бросил ее.

Но грустить было не так много времени. Скоро должна быть очередная выставка, о которой ей сказали слишком поздно. Она выставляла две картины. На одной были изображены красивые водяные лилии, а другая картина была очень мрачной и показывала весь ужас секты. В центре стоял человечек с поднятой рукой, в которой была плеть, у его ног лежал голый человек с ранами на спине, а по периметру комнаты сидело несколько человек в балахонах с капюшоном. На стенах были факелы, и каждый кирпичик стен был тщательно прорисован. Эту картину она написала еще до первой выставки и никому никогда ее не показывала. Она лежала в тубусе.

В день выставки она попросила соседку забрать Кимико из садика, и отправилась на выставку. В музее уже были люди, и около одной ее картины были люди. Яреци затерялась в толпе, но ее увидели подруги, и она подошла к ним. С ними было хорошо и спокойно.

Акихико Хасэгава

Перебираясь в Пекин, Акихико собирался первые недели посвятить исключительно работе, но душа очень скоро начала требовать разнообразия, заставляя мужчину время от времени посещать какие-нибудь культурные мероприятия. Причем, в противовес того, что было раньше, Акихико предпочитал не вращаться среди богатых и знаменитых, предпочитая что-то более тихое и закрытое, соответствующее его настроению и нынешнему статусу наемного работника, а не наследника огромной компании. И сегодня его каким-то удивительным образом занесло на выставку местных молодых художников, от которой он, в принципе, не ожидал для себя никаких откровений.

Уже первые минут десять показали, что его ожиданиям суждено было оправдаться. Большинство представленных работ не тянуло на шедевры мировой живописи, хотя парочка смогла ему понравиться красотой заключенных в них метафор и весьма пристойным качеством исполнения. Но самым большим сюрпризом для него стали две картины, подписанные именем девушки, с которой он не так давно познакомился в парке. И, в особенности, его поразили контраст между умиротворяющими лилиями и какой-то адской сценкой, наводящей на ряд размышлений.

Внимательно посмотрев по сторонам, Акихико обнаружил и автора неоднозначных картин, к которой, не удержавшись, он все-таки решил подойти, как минимум, для приветствия.

- Добрый вечер, Мотидзуки-сан, - вежливо обратился он к девушке. - Надо признаться, вы меня поразили. Не подумал бы, что вы художница, причем со столь необычными фантазиями.

Акихико намекал на человека с плеткой, изображенного на картине, от которой отдавало чем-то очень личным. А еще в ней чувствовался страх. Очень много страха, причем самой разной направленности, который не должна была испытывать столь молодая девушка, живущая вполне себе обычной жизнью.

Яреци Фернандез

Мэйли и Айминь достаточно быстро ушли, она даже не успела с ними поговорить нормально, и она стала рассматривать посетителей. Мистера Дэмириса не было, и она облегченно вздохнула. Ей не нравился этот тип, он к ней приставал. Последние разы она была с Тору и Кимико, и только лишь однажды мистер Дэмирис подошел к ней, чтобы выразить свое почтение и пожелать удачи. Он выглядел как-то разочарованно, но вел себя сдержанно. Может быть он сейчас уехал в свою Грецию, или откуда он там.

Посетители и другие художники подходили к ее картинам, но большинство останавливалось около картины с пытками, и она с тоской понимала, что этот мир никто уже не изменит. Людям нравится, когда плохо. Интересно. А когда хорошо не нравится никому. Сейчас Яреци старалась, чтобы было хорошо Тору. А ей хорошо не было. Но она понимала, что должна быть примерной и послушной женой для него. И она должна сохранить отношения. Потому что так надо. По крайней мере, она больше не затрагивает то, что было тогда.

Внезапно в поле ее зрения возник Хасэгава-сан, который без интереса рассматривал картины других авторов, а около ее картины остановился подольше. Потом он подошел к ней, и она слегка поклонилась на его приветствие.

- Добрый вечер, Хасэгава-сан. А я не думала, что вас интересуют такого рода выставки. Но благодарю, что вам понравились мои работы. Что же до необычных фантазий, то, - она задумалась, - к сожалению, люди перестали видеть прекрасное, поэтому я и написала эту водную лилию, чтобы напомнить посетителям, что в мире есть много всего необычного и прекрасного.

Разумеется, она поняла, о чем он, но сейчас ей не хотелось вытаскивать всех своих

демонов. Хотя пару дней назад она стала вытаскивать их, так как у нее просто не было времени написать хоть что-то. А нужны были две картины как минимум.

Акихико Хасэгава

На этот раз девушка не стала от него убегать, согласившись даже на какое-то подобие разговора, чем Акихико решил воспользоваться. В конце концов, выставляемые картины он уже успел оценить, и сейчас эта незапланированная беседа могла стать самым занимательным моментом всей выставки.

- Вы художник и так плохо думаете о людях, - усмехнулся Акихико. - Как мне кажется большинство людей как раз и грешат тем, что пытаются увидеть прекрасное там, где его нет. Иногда даже в себе. - Он внимательно посмотрел на девушку, прекрасно понимая, что она хочет уйти от сложной для нее темы, но так легко отпустить свою "жертву" не собирался.

- Лилию я оценил. Она очень красивая, но и очень хрупкая. Не уверен, что этот цветок сможет пережить какое-то внешнее воздействие. - Акихико выдержал небольшую паузу. - И, в связи с этим, еще интереснее смотрится ваша вторая картина. Такой поразительный контраст. Глядя на нее, у меня возник вопрос, какая именно роль вам ближе? Жертвы, похожей на эту изнеженную лилию или, может, где-то в глубине души, палача?

Акихико никогда не стеснялся в словах и выражениях, говоря то, что хотел, если это было не связано с его работой или полезными для нее связями. И пусть подобный вопрос, заданный в лоб, мог девушку удивить, а то и шокировать, он не слишком переживал за ее реакцию, не имея привычки волноваться за тонкость чьей-то душевной организации.

Яреци Фернандез

- Вы верите, что в людях есть больше хорошего, нежели плохого, Хасэгава-сан? - Хмыкнула девушка.

Ей казалось, что молодой человек своими вопросами провоцирует ее на то, чтобы рассказать о жизни. Но она не понимала, зачем ему это надо. Людям, как она успела убедиться, пофиг на других. И ей надо стараться тоже не обращать внимания на всех окружающих ее людей. Не помогать им. Потому что когда она просила о помощи у самого близкого человека он просто взял и ушел. Она раскисалась, просила, чтобы он остался, а он просто ушел. А потом помощь была нужна ему, и она пришла к нему на помощь. Потому что она не хотела уподобляться им.

- Вы плохо думаете о лилиях. Это очень сильные цветы. Я жила в России, там климат не очень, он сильно отличается от вашего, и как-то в небольшом городе на озере, покрывшемся льдом, цвели две кувшинки... это не розы.

На вопрос жертвы и палача она решила не отвечать. Просто посмотрела на свою картину и поморщилась.

Акихико Хасэгава

- Я верю в то, что "хорошее" и "плохое", особенно, когда речь заходит о людях - это очень условные понятия. Есть качества полезные в конкретной ситуации и вредные.

- Акихико пока решил не углубляться в тему, поскольку его целью было не распространять свое мнение о людях, а задавать неудобные вопросы, пытаясь получить на них хоть какие-то ответы.

- Что же до лилий, то я говорил о конкретной. Той, что изображена на вашей картине. Именно она показалась мне хрупкой. А вам так не кажется?

Акихико не назвал бы себя великим ценителем живописи. В картинах его больше привлекали эмоции и идеи, которые возникали, когда он на них смотрел. И при таком подходе картины Мотидзуки Яреци были более чем занимательны.

- Но вы так и не ответили на вопрос, касающийся вашей второй картины. Или он вас напугал, как и я сам во время нашей первой встречи?

Акихико даже и не собирался проявлять тактичность и лишать себя развлечения. Собственно, ради этого он и начинал разговор, надеясь спровоцировать девушку на какую-нибудь интересную реакцию. Несмотря на то, что большинство людей были достаточно просты и предсказуемы, отдельные экземпляры с их душевными терзаниями вполне могли претендовать на право привлечь его внимание. По крайней мере на какое-то время, пока он не убеждался, что здесь все так же примитивно, как и в девяносто девяти процентах других случаев.

Яреци Фернандез

- Нет, мне эта лилия не кажется хрупкой, - просто ответила девушка, глядя на него.

Именно эта лилия, изображенная на картине, не была плодом ее воображения. Как-то раз, придумывая сюжет для новой картины, девушка вспомнила один рассказанный мамой момент общения с папой, когда они еще были детьми. Тогда маленькая Лаура упала в озеро в каком-то парке Мехико, а Моррис ее спас. В ее волосах запуталась лилия, и они решили ее оставить. В этой истории, рассказанной мамой в последние дни жизни, было столько романтики и любви, что девушка решила воплотить это в жизнь. И написала эту картину. А еще как рассказывал папа, после этого случая мама впервые его поцеловала. И об их знакомстве знали только папины родители и дядя Рикардо.

- Мне она кажется символом любви и преданности, - договорила она.

А вот по поводу второй картины она не знала, что говорить.

- А с чего вы вообще решили, что это что-то жизненное? Может быть, это просто написана сцена из какого-то фильма или книги? В моей религии в средние века, да и позже, это было нормально. Сжигание ведьм, изгнание дьявола. Инквизиция. Просто надо было написать что-то жуткое, и я написала.

Да, изгнание дьявола. Сатаны. Они хотели, чтобы она очистилась, забыла о Тору и дочери. Они призывали ее к пыткам, через которые проходят все адепты. Боль, страх, нежелание терпеть эту боль. Слова "хватит, прекратите" только

раззадоривали их. Удары становились сильнее. И на помощь никто не пришел...

Она снова поморщилась и опустила голову.

Акихико Хасэгава

- К сожалению, любовь и преданность тоже могут быть хрупкими. - Акихико продолжал гнуть свою линию, нащупывая чувствительные точки. - Люди эгоистичны, и часто готовы любить только до той поры, пока их все устраивает. Но стоит партнеру начать вести себя не так, как мы от него ожидаем, большинство из нас забывает о любви и преданности.

Акихико не забыл историю о чуть не случившемся разводе, начавшемся с ухода из дома, и предположил неготовность Яреци жить семейной жизнью, в силу слишком молодого возраста, плохо сочетающегося с замужеством и ранним материнством.

- А по поводу христианских мотивов... Я достаточно долго жил в США и имел возможность познакомиться с ними достаточно близко. - Несмотря на то, что он не относил себя к христианам, Акихико нередко носил распятия в качестве своеобразного аксессуара. - Так вот, здесь я увидел что-то другое. И, как мне кажется, как раз личное, ведь любой творческий человек вкладывает в свои работы частичку себя и своей истории.

С истинно творческими людьми, отличающимися от зарабатывающих на этом показушников, он встречался не так уж часто. Но Акихико умел делать выводы даже при ограниченном количестве изначальных данных, а потому чувствовал свою правоту в том, что касалось весьма своеобразной картины его собеседницы.

Яреци Фернандез

- Я согласна с вами, люди действительно эгоистичны, - сказала девушка.

Постепенно время выставки походило к концу, посетителей стало намного меньше, чем было в начале, скоро она закроется, надо будет идти домой, забирать Кимико и слушать ее капризы, что опять они не пошли в парк, чтобы поиграть с котенком. Яреци вздохнула.

- Да, в этом есть что-то личное, Хасэгава-сан. Но совершенно не то, что вы подумали. Меня вдохновляют работы великого художника Василия Верещагина. Он тоже писал красивые вдохновляющие картины и что-то военное. Вот есть у него картина "апофеоз войны", где черепа собраны в кучу, на подобие горы. И черные вороны летают. Он не видел этого, но данная картина считается самой знаменитой. Вот и у меня так же. Я посмотрела фильм и пропустила через себя одну сцену.

В сознании возник свист плети, и Яреци вздрогнула. Эти воспоминания, хоть им было уже два года, возвращались с пугающей периодичностью. Хотя сейчас это было уже не так пугающе, как раньше. Да и рассказать о своей боли и страхе она может только с помощью красок, грифеля и полотна. Эта картина была написана в основном грифелем, краской выделена фигура главного адепта.

Акихико Хасэгава

Развивать свою мысль по поводу человеческой эгоистичности девушка не стала, и Акихико решил с этим к ней не лезть, сконцентрировавшись на других моментах. Тем более, основной рассказ Мотидзуки Яреци отдавал какой-то фальшью. Он прекрасно понимал, что художник мог черпать вдохновение откуда угодно, но по выражению лица девушки у него складывалось впечатление, что в ее случае все далеко не так просто, и данная картина представляла собой попытку выплеснуть негативные эмоции, связанные с личным опытом.

- И после просмотра какого фильма вам захотелось нарисовать нечто подобное? - Акихико специально встретился с девушкой взглядом, чтобы ей труднее было сочинять истории, не слишком соответствующие действительности. - Я, конечно, не умею читать мысли, но мне кажется, вы чего-то недоговариваете. Хотя я понимаю ваше нежелание откровенничать с малознакомым человеком. Так что в случае моей правоты можете просто ее подтвердить.

Акихико было жалко отказываться от возможности вытащить из девушки что-то интересное, но и чрезмерно на нее давить он тоже не мог, боясь спугнуть. Что было вполне вероятно с учетом непростых вопросов и странного отношения к его собственной персоне, причины которого до сих пор оставались для него загадкой.

Яреци Фернандез

- А вам бы хотелось научиться читать чужие мысли, если бы была такая возможность? - Спросила Яреци, глядя на молодого человека. Правая бровь вопросительно поднялась вверх. - Вот я бы ни за что не хотела бы этому научиться.

Последнее время она старается не думать о магии, а еще у нее как-то возникла мысль приехать в монастырь и попросить отчислить ее из состава мастеров. Потому что придется работать там, жить там, а не писать картины здесь. Да и Тору вряд ли захочет бросать свою работу и уезжать в монастырь. Почему нельзя там жить Кимико? Вон, Дарсия и ее братья с рождения живут в монастыре, и вроде бы образование у них есть. И воспитание.

А, да. Тору же не будет делать то, что она хочет. Значит, ей надо просто сделать так, чтобы ему было комфортно. Если ее назначат наставником к какому-нибудь новому обитателю, то придется с ним проводить много времени. Замкнутый круг.

- Фильм? - Яреци не сразу нашлась, что ответить. - В фильме "Заклятие" было нечто подобное. В основе лежит легенда про куклу Аннабель. Там, конечно, не было ничего похожего, но почему не импровизировать? Фигурка, которая стоит с хлыстом - это Дженинг... сам мистер Уоррен, а фигурка, что лежит - его жена, в которую вселился дьявол. Здесь описан процесс очищения. Там, конечно, все не так было, но силу молитвы и очищение святой водой описать достаточно сложно.

Девушка поняла, что проговорилась, но очень надеялась, что Хасэгава-сан не придаст этому значения. Вряд ли он смотрел этот фильм, знает имена охотников за паранормальным. Выдержать взгляд молодого человека было очень сложно, но она постаралась. И даже вроде голос не дрожал.

Акихико Хасэгава

- Мысли большинства людей слишком примитивны, чтобы тратить время на их прочтение. - По поводу окружающих Акихико не строил особых иллюзий, за свою жизнь научившись неплохо разбираться в чужих эмоциях и желаниях без каких-то необычных способностей, поскольку считываемое его совершенно не впечатлило. - Что же до небольшой группы интересных лиц, то намного приятнее раскрывать их мысли постепенно, подводя их к тому, чтобы они сами рассказали о волнующих моментах.

Акихико не собирался скрывать намерения или искать какие-то возвышенные причины для своих вопросов. Им двигало банальное любопытство и любовь докапываться до сути, особенно если эту суть от него пытались утаить.

- Вы знаете, я смотрел этот фильм. - Уж на что Акихико никогда не мог пожаловаться, так это на плохую память, запоминая даже те мелочи, которые обычно пропускали другие. - Но я не помню там героя по имени Дженинг. Или этот персонаж появился совсем не из фильма?

Как ему показалось, этот самый Дженинг был вполне себе реальным лицом. И если он в своем предположении не ошибался, наличие у девушки знакомого с хлыстом, который, похоже, вполне мог пустить его в дело, вызвало все новые вопросы, ответы хотя бы на часть из которых ему бы очень хотелось получить.

Яреци Фернандез

Яреци разочарованно вздохнула и поняла, что Хасэгава-сан ничего не упустил в ее рассказе. И, конечно, его слух зацепился за имя Дженинг. Страх липкой ручонкой сковал ее душу, и она сглотнула и вздрогнула. Мысль, что Дженинг мог выжить и сейчас пытался убить ее, ее периодически посещала. Она старалась не ходить вечерами по улицам, вести более-менее закрытый образ жизни и если и гулять, то только с Тору. Но Тору сейчас не было, он был далеко, и связи с ним нет. Хотя вряд ли он захочет слушать о ее страхах, связанных с сектой. Сама виновата и надо самой решать проблемы. Успокаивать и помогать ей никто не будет. Да и зачем? Тору не нужен ребенок, ему нужен равнозначный партнер.

Перед глазами пронеслась жуткая сцена в горах, когда она затащила Джуна следить за странными людьми. Потом был плен, перестрелка. Тору чуть не погиб. Из-за нее. Джун не хотел следить за людьми, а она не послушала. Она сделала так, как ей хотелось. Теперь она старается делать так, как считалось правильным для Тору.

- Да, вы правы. Такого имени нет в фильме. Но где написано, что я не могу придумать имя? - фыркнула девушка. - Вы еще что-то хотите, Хасэгава-сан? Выставка скоро закроется, и вам надо домой. Вас дома ждут. Не стоит задерживаться.

Она посмотрела на него, а потом огляделась вокруг. Девочек не было, они, наверное, уже ушли. Ей придется ехать домой одной, но ничего. Она справится, хоть и не особо любит темноту. Потому что в темноте Дженинг чуть не изнасиловал ее. Лучше бы он ее изнасиловал, а потом убил. Тогда бы не было этих проблем с Тору. Или лучше бы она вообще не обращала внимания на тот сон и не ссорилась

бы с папой. Сейчас бы все было по-другому. Но этого нет, изменить она ничего не в состоянии. Да и прошлое надо забыть. Тору же забыл прошлое, не общается со своими родственниками, не хочет возвращаться в Японию. Она сама не звонит папе, чтобы не злить Тору. Она вздохнула.

Акихико Хасэгава

- Если это имя выдуманное, то почему вы так дергаетесь каждый раз, как его произносите? - Лицо Мотидзуки Яреци моментально выдавало то, что девушка пыталась скрыть, и для Акихико не составляло особого труда считывать ее эмоции. - Сомневаюсь, что вы так бурно реагируете на собственные выдумки.

Хоть девушка и пыталась уйти от честных ответов, получалось у нее это не лучшим образом. Конечно, она в любой момент просто могла послать его куда подальше, но пока этого не делала, чем Акихико нагло пользовался.

- Когда вы говорите о том, что меня ждут, то имеете в виду кота? Если что, Акума вполне самостоятельный мальчик и переживет час-другой моего отсутствия. - Котенок понемногу привыкал к новой обстановке, и пусть к его поведению еще оставался ряд вопросов, основные проблемы размещения домашнего питомца уже были решены.

- Предлагаю, заглянуть куда-нибудь из близлежащих кафе и выпить по чашке кофе. Нам все равно ехать в одну сторону, и я могу вас подбросить. Если что в мои планы не входит с вами спать, вас насиловать, убивать, расчленять или что там должно следовать за подобными предложениями.

Пару дней назад Акихико все-таки обзавелся машиной, и пусть она была не настолько дорогой, как те, к которым он привык, жить ему сразу стало намного легче. Так что сейчас он вполне мог предложить девушке составить ему компанию по дороге домой.

Яреци Фернандез

- Какая вам разница, Хасэгава-сан, придумала я этого человека или он был в моей жизни? - Она хмыкнула и сглотнула.

Молодой человек предложил посетить кафе, и Яреци пожала плечами. Поправила свою сумку и пошла вперед. Не то, чтобы ей хотелось оставаться с ним, но кафе - это не одинокая улица или заброшенный склад, и Хасэгава-сан не будет к ней приставать. Хотя увиденное в первую встречу ей показало, что он может убить человека, если ему это захочется. Но вряд ли он захочет ее убить.

Они вместе вышли из здания музея, и Яреци попрощалась с охранником. Потом посмотрела на молодого человека.

- Надеюсь, вы не думаете, что я вас боюсь? - хмыкнула она.

Акихико Хасэгава

- По большому счету никакой, - честно ответил Акихико. - Ваша жизнь никак не

повлияет на мою. Но ничего не могу с собой поделаться - мне нравятся интересные человеческие истории, которые могут как-то занять мой разум.

Это было немного удивительно, но Мотидзуки Яреци сразу согласилась на его предложение. Видимо, ее сегодняшнее настроение отличалось от того, что было на момент их первой встречи, и мужчина собирался этим воспользоваться в своих целях, без промедления отправившись за ней следом.

- Не знаю, боитесь ли вы меня, но моя персона вас явно напрягает. - Акихико продолжал прямо говорить все, что приходит ему в голову, не видя смысла скрывать истинных намерений. - И, если честно, мне очень хотелось бы узнать, с чем это связано.

Возможно, Яреци просто не любила общение с незнакомыми мужчинами, но ему казалось, что проблема находится глубже, хотя он, конечно, мог и ошибаться.

Неподалеку от зала, где проходила выставка, они наткнулись на небольшое уютное кафе, которое вполне подходило для их нужд и радовало небольшим количеством посетителей.

- Что хотите заказать? - спросил Акихико, приглашая девушку присесть за отдаленный столик, когда они оказались внутри. Сам он планировал отделаться чашкой обычного кофе, сосредоточившись на разговоре, но Яреци вполне могла побаловать себя и каким-нибудь пирожным, которых в ассортименте имелось в избытке.

Яреци Фернандез

- Допустим, ваша персона меня напрягает. Но мне просто интересно, почему вы не отвяжетесь от меня, Хасэгава-сан. Я не навязывалась к вам, а встреча в парке... во многомиллионном городе маленькая вероятность встретиться просто случайно.

Они шли по небольшой улице, где фонари горели через один, а может через два, было уже темно, и от этого неприятно. И страшно. Нет, этот человек вряд ли причинит ей боль, но ведь он может просто быть шпионом. А если ее тогда обманули, сказав, что Дженинг убит при задержании и на самом деле он не погиб? Получается, он хочет ей отомстить. Вот и нашел этого японца. Вдруг правда?

Но они пришли в кафе, и девушка облегченно вздохнула. Есть она не хотела, не привыкла сидеть в кафе, предпочитая есть дома, где ее никто не видит. Наверное, у нее была паранойя.

- Я буду только чай, благодарю. И как вам выставка? Понравились какие-нибудь картины? - спросила она.

Акихико Хасэгава

- Так я же, вроде как, уже сказал. Мне интересно, и для меня это достаточная причина. Но вас я не преследовал. И наша сегодняшняя встреча случайна. - Акихико ненадолго задумался, насколько подобное совпадение можно считать случайным. - А может и нет. Но уж точно не преднамеренна, добавил он через какое-то время.

Поскольку Яреци не стала сообщать, какой именно чай хочет, он выбрал на свой вкус, себе заказав чашку крепкого кофе и, в последний момент не удержавшись, небольшое пирожное со сливочным кремом внутри. Акихико не являлся фанатом сладкого, но именно эти пирожные навевали приятные воспоминания о тех временах, когда он был моложе и намного счастливее.

- Из представленных картин мне больше всего понравилась работа с бабочками, - сообщил Акихико, параллельно благодаря официантку, подошедшую с готовым заказом. - Вы же знаете, что бабочка является символом души? Так вот в этой картине я разглядел очень красивую метафору, отражающую взаимодействие нескольких людей с самым разным жизненным опытом.

По старой привычке Акихико не кусал пирожное, а отрывал от него небольшие кусочки, произвольно оставляя на пальцах немного крема, который мысленно напомнил себе убрать салфеткой, а не избавиться в присутствии постороннего человека другим, менее гигиеничным способом.

- Ну и ваши работы тоже привлекли мое внимание. Вы же встречались с этим Дженингом и его плеткой?

Неожиданный и слишком личный вопрос должен был на какое-то время выбить девушку из колеи, так что, ожидая ответа, Акихико сосредоточился на пирожном, один раз уже в поймав себя за попыткой облизать один из пальцев.

Яреци Фернандез

Официантка принесла чай и кофе с пирожным для молодого человека. Яреци отпила свой чай и обожглась. Сначала все было нормально, Хасэгава-сан рассказал, какие ему понравились картины, а потом спросил у нее про Дженинга и его плетку.

Почему он интересуется этим? Почему ему просто не оставить ее в покое? Ей страшно, страх своими липкими ручонками сковывает ее душу. Хочется бежать, бежать куда угодно. Забыть обо всем. Не видеть никого и никогда. Почему этот человек интересуется Дженингом? Или Дженинг на самом деле не погиб и сейчас жаждет ее смерти? Или хочет ее изнасиловать? Не может этот человек просто так появиться здесь.

Она не знала, что ему ответить, но чувствовала, что он все знает про нее и чувствует ее страх. А ей было страшно. Она сглотнула и опустила голову. Посмотрела на поверхность чая. Ей представился Дженинг с плетью. Она вздрогнула и пролила немного чая.

- Да чего же вы ко мне пристали? Зачем вам знать то, что со мной случилось? Это как-то изменит вашу жизнь? - спросила девушка дрожащим голосом.

Акихико Хасэгава

На его наглый вопрос последовал не ступор, а достаточно бурная реакция, которая, с одной стороны, Акихико порадовала, поскольку показывала, что ему удалось

зацепить девушку за живое, а, с другой стороны, огорчила самоповтором.

- На ваши вопросы я уже отвечал, причем уже не один раз, - печально вздохнул Акихико, вытирая с пальцев остатки крема и переходя к кофе. - Вы вообще когда-нибудь слушаете собеседников? Знаете, весьма полезное занятие, позволяющее узнать об окружающих людях много нового. Так можно неожиданно для себя выяснить, например, что ты живешь совсем не с таким человеком, как тебе раньше казалось. Просто ты раньше никогда его не слушал и общался, по большому счету, сам с собой.

Акихико не стал повторяться, снова отвечая на одни и те же вопросы. Он не скрывал, что просто развлекается подобным образом, борясь с извечной скукой. Но, как подсказывала ему интуиция, девушке следовало бы научиться выражать свои негативные переживания не только в картинах, но еще и вербальным способом, так что этот разговор мог быть полезен ей самой. Особенно с учетом его незантересованности в жизни постороннего человека, дающего ему возможность оценивать ситуацию объективно, а не сюсюкаться со страдальцем, как это обычно бывало среди людей, связанных родственными или дружескими связями.

Яреци Фернандез

Она промокнула разлившийся по столу чай салфеткой, но все равно немного пролилось на ее джинсы. Он был горячим, но после секты она перестала обращать внимания на любую боль, не связанную с плетью. Почему-то в памяти всплыла сцена, когда она была маленькой, ходила в первый или второй класс школы. Однажды она пришла в платье и новых колготках. Папа ее забрал из школы и увидел, что колготки порвались. Он ругался. Потом к нему подключилась мама. И бедная Яри поняла, что не имеет права на переменах бегать с подружками. Потому что ее будут ругать.

Слова Хасэгава-сана выдернули ее из неприятных воспоминаний, и она вздрогнула. Надо учиться слушать. Но разве кто-то слушает? Никто никогда никого не слушает. Вот Тору ее не слушает. Она просила о помощи, она хотела поговорить с ним, а он просто забрал Кимико и ушел. Он не стал ее слушать. Да и что она хорошего и правильного может сказать? Она не может сохранить семью, она разрушила все, что только можно. Она не может справиться со своими демонами.

Один из них смотрит на нее из чашки. Его образ сегодня стал настолько реальным, в сознании вспыхивали образы и мысли, голова начинала сильно болеть. Но что это изменит? Кто ее послушает? Кто услышит ее боль и страх? Никто. Совершенно никто ничего не услышит. Потому что она виновата. Она одна во всем всегда виновата. И в том, что ее били, наверное, тоже.

Первой мыслью хотелось убежать, но, вспомнив, что на улице темно и страшно, она осталась сидеть на месте. Только зажмурилась, пытаясь скрыть выступившие на глаза слезы. А потом осмотрелась. Часы показывали одиннадцать вечера, а кафе, кажется, работает круглосуточно. Сейчас почти никого не было.

Яреци салфеткой промокнула глаза и хмыкнула.

- Вот только он не слушал меня. Он просто взял Кимико и ушел. Снял обручальное кольцо, продал квартиру, - тусклым голосом сказала Яреци и отпила немного чаю.

Акихико Хасэгава

Какое-то время Яреци молчала, разбираясь с пролитым чаем, и у Акихико складывалось впечатление, что в этот момент в ее голове происходит очень бурный мыслительный процесс. Что могло привести и к достаточно плачевным последствиям, поскольку, как он уже давно понял, большинство людей думать катастрофически не умело. Точнее, думало так, что лучше бы вообще этого не делало, не причиняя по итогам великих умозаключений вреда себе и окружающим. А потом девушка, наконец, заговорила, на этот раз не побоявшись личной темы.

- И вот что здесь интересно. - Акихико прекрасно понял, что речь сейчас шла о чуть не состоявшемся разводе с мужем. - Малышка Кимико рассказывала, что ушли как раз вы. А тут все получается наоборот. И где же истина? А она, вероятно, кроется в том, что при наличии проблем в паре глухотой начинают страдать оба.

Говоря о глухоте, Акихико не удержался от печальной полуулыбки. Они с Лорой в свое время прекрасно слышали друг друга, но вот только легче от этого никому не стало. Нелегко было слышать то, что тебе совсем не нравилось. И, как всегда, намного проще было сделать виноватым кого-то другого, забывая об ответственности за свои слова и поступки.

Яреци Фернандез

"Малышка Кимико". Девушка сильно вздрогнула от его слов и сглотнула. Нет, он же не будет причинять Кимико вред, не похитит ее, не убьет? Ведь если что-то с ней случится, то виноватой снова сделают Яреци. Не уследила, наплевала, да и еще много чего не так сделала. Тору будет сильно переживать, а его родственники разорвут ее. Не физически, конечно, но морально. А она... кто сможет помочь ей? Ведь она будет виновата.

Страх, теперь уже за дочку, сковывал ее душу все сильнее. По спине прошелся холодок, голова заболела. Воспаленное сознание угодливо подкидывало картинки, как Дженинг похищает Кимико. Нет, этого не будет никогда. Дженинг погиб, его убили.

Но почему этот человек интересуется ее жизнью и прошлым? Он говорил, что ему скучно и интересно. Но ей не интересно. Почему она вообще в тот день гуляла по этому парку?

Сильно болела голова, череп будто стискивал стальной обруч. Ломило виски, появилось головокружение. Глаза заболели. И снова Дженинг. Снова он проникает в ее сознание. Она не может больше. Не может удерживать этого демона. Но ведь это неправильно. Нельзя об этом говорить. Это была только ее вина. Она поплатилась за свой эгоизм и была наказана. С ней поступили точно так же, как она поступила когда-то с людьми, которые ее любили.

Почувствовав, что дышать стало тяжело, а головокружение стало сильным, Яреци резко допила чай, вытащила из сумки деньги.

- Я... мне нужен свежий воздух. Извините, - пробормотала она и встала, надеясь, что сможет хотя бы выйти из этого кафе.

Акихико Хасэгава

От Акихико не укрылась бурная реакция девушки на упоминание ее дочери, из-за которого та, казалось, пропустила мимо ушей все адресованные ей слова. Эта реакция наводила на мысль, что Яреци принимает его за какое-то чудовище, разве что не употребляющее детей в пищу. И пусть считать его чудовищем было не так уж и неверно, все равно оставались границы за которые он никогда бы не переступил, да и не имел ни малейшего желания переступить.

- Если вы принимаете меня за какого-то маньяка или извращенца, то сильно ошибаетесь. - Акихико не стал дожидаться, когда Яреци покинет кафе и его развлечение закончится на самом интересном месте, прихватив девушку за руку при попытке уйти. - Я равнодушен к детям во всех возможных смыслах. А вашу дочь упомянул лишь в конкретном контексте. Или дело не в вашем ребенке, и вы просто хотите убежать от непростой темы? Как я понимаю, вы вообще любите убегать от трудностей.

Акихико понимал, что сейчас все может и закончиться, если Яреци просто вырвет руку и бросится прочь из кафе. Но, в любом случае, он терял только возможность как-то разнообразить сегодняшний вечер, что хоть и было печально, на серьезную проблему не тянуло, позволяя ему чувствовать себя абсолютно свободно и не стесняться в словах и действиях.

Яреци Фернандез

Когда молодой человек взял ее за руку, она сильно вздрогнула. Любые прикосновения, которыми были прикосновения не значимых для нее людей вроде Кимико, Тору или папы, казались ей очень страшными и вызвали желание убежать. Исчезнуть, просто перестать существовать. Потому что прикосновения напоминали ей Дженинга. Сейчас все напоминало ей Дженинга.

- Я... мне... наверное... - ответила она и вырвала свою руку. Хотелось убежать. Наверное, он был прав - она всегда убегала от проблем. А может быть, она убегала потому, что было страшно. Очень страшно.

Почувствовав сильное головокружение и сильнейшую головную боль, она помассировала пальцами руки виски и вышла из кафе. Судорожно вдохнула прохладный воздух и зажмурилась. А потом открыла глаза. Было темно, фонарь выключился. Ближайший фонарь был в ста метрах, а прямо напротив она увидела силуэт. Зажмурилась и вжалась в стену дома, где было расположено кафе. Открыв снова глаза, она не увидела человека. Зато увидела, что кафе находится недалеко от того места, где два года назад Дженинг пытался ее изнасиловать.

Она снова сглотнула, а потом согнулась от рвотных спазмов. Когда стало легче, если можно так назвать это состояние, она опустилась на корточки и сжала голову руками. Демон проникал в ее сознании, разрывал душу, выворачивал ее наизнанку. Было страшно. Дженинг приближался. Он ее убьет...

Акихико Хасэгава

И снова его слова если и достигли сознания девушки, то явно в какой-то сокращенной или измененной форме, не принося желанных результатов. Яреци все-таки вырвала свою руку и, пробормотав что-то невразумительное, покинула кафе, оставляя его в одиночестве. На что Акихико просто пожал плечами и быстро допил остатки кофе. Если уж его пугливая собеседница предпочитала "купаться" в своих страхах и переживаниях - это было ее личное дело. Хотя, надо сказать, выглядела она при этом более чем жалко, немного напоминая ему собственную мать, так и не решившуюся встретиться с сыном из-за страха перед мужем перед тем, как Акихико окончательно покинул Японию.

Быстро расплатившись и поблагодарив официантку за работу, мужчина покинул кафе и хотел уже был направиться к машине, как заметил скрюченную фигурку, воплощающую собой вселенскую скорбь, в которой практически сразу узнал Мотидзуки Яреци. И пусть ее плачевное состояние не вызвало у Акихико особого сочувствия, мужчина, после недолгого колебания, подошел к страдальце поближе, повинувшись очередному порыву.

- Я смотрю, далеко убежать вам не удалось, - произнес он с легкой усмешкой на губах. - Так, может, уже стоит перестать вести себя как истеричка и собраться? Хотя, конечно, если вам хочется быть ни на что не пригодной тряпкой, то это, ваше право.

Акихико не любил людей, показывающих всем подряд свои великие страдания, считая, что от этого отдает какой-то демонстративностью и желанием, пусть и бессознательным, вызвать чужую жалость. А потому в данной ситуации не планировал утирать девушке слезы или еще что похуже, пусть и почему-то не смог ее проигнорировать, просто пройдя мимо.

Яреци Фернандез

Ты такая нежная, моя любовь. Мы скоро с тобой поженимся. И будем жить долго и счастливо. Я сделаю тебя счастливой и заставлю тебя забыть о сатанинском слуге, о котором ты постоянно думаешь. Мы создадим новый мир, и Истинные Родители будут счастливы. Мы станем ближе к Богу.

Яреци закрыла уши руками. Этот голос, она никогда не забудет его. Никогда не сможет избавиться от воспоминаний. Дженинг ее хотел изнасиловать. Она помнит его руки, лапающие ее грудь, рвущие одежду, помнит и его жаркий страстный поцелуй. Потом в образ ворвался Маркус, который спас ее, отпугнув Дженинга.

Услышав голос, девушка вздрогнула и подняла голову. Перед ней стоял Хасэгава-сан, он улыбался, и от этого ей стало еще хуже.

- Я... - Она поднялась и продолжила поддерживать стену дома. Голова сильно болела, тело пробивала крупная дрожь. - Что вы хотите узнать? Два года назад на этом месте, - она показала рукой на стену напротив, - меня пытался изнасиловать Дженинг. Он был адептом страшной секты, самой тоталитарной. До этого я была

несколько... дней? Да, кажется, дней, у них. За любое непослушание меня били. Думаю, вы поняли, что было изображено на картине. Меня били, на моем теле не было живого места. Маркус сказал, что вся моя спина была в язвах. И... Маркус спас меня, а потом Дженинга убили во время задержания. И да, я сама виновата во всем. Я просто ушла в секту. Тору хотел со мной развестись. Но...

Она вздрогнула и закрыла глаза. Как бы она ни старалась сделать свой голос спокойным и безэмоциональным, он предательски дрожал. Голова сильно болела и кружилась.

Акихико Хасэгава

Подходя к Яреци, Акихико и не рассчитывал, что та сразу начнет с ним откровенничать, но девушка смогла его удивить, выкладывая факты и называя имена так, словно он уже что-то знал об этой истории. Хотя, после взгляда на картину, что-то подобное, пусть и не в столь жесткой форме, мужчина и подозревал, сейчас имея возможность убедиться в верности своих первых предположений.

- Хм... - протянул Акихико, анализируя полученную информацию. - Судя по тому, что девушка сунулась в какую-то секту, она легко поддавалась влиянию окружающих. Правда отрицательному влиянию люди почему-то имели склонность поддаваться намного быстрее, видимо, выбирая самый простой из возможных путей.

- И что вы делали, когда вас били? А точнее, делали ли все возможное, чтобы этого избежать? - Яреци напоминала ему классическую "жертву", безвольную и вечно ожидающую помощи от кого-то другого. - И вы думали, чем бы закончилось дело, если бы этот самый Маркус вас не спас?

Наверное, по законам жанра, он должен был ужаснуться, выслушав подобные откровения, и постараться как-то утешить девушку. Но Акихико не испытывал по отношению к Яреци особой жалости. Более того, мужчина искренне считал, что попытка проявить сочувствие только ей навредит, забирая даже малые стимулы постараться как-то выбраться из положения, в которое девушка сама себя и загнала, продолжая жить травмирующей ее ситуацией.

Яреци Фернандес

- Что я делала? - Спросила она, помассировав виски. - Молчала. Сначала было больно. Я говорила, что мне больно, но от этого свист становился громче, а удары сильнее. Потом я молчала. Когда я говорила, что хочу вернуться к Тору и дочери, они называли их прислужниками сатаны и били сильнее.

И снова эта темная комната, снова страх и боль. Свист плети, щелчки, когда хлыст находится в воздухе, ярость Дженинга и молчание адептов. Но кто ей поверит? Зачем ей верить, что ей было из-за этого больно, страшно, хотелось уйти из этого ада? Ведь она сама была виновата. Нормальный человек не может оступиться. Нормальный человек не может переживать из-за смерти бабушки. Потому что у нормальных людей семья состоит из мужа и ребенка. А все дальние родственники - это детский сад, и о них печалиться нельзя. А она сама ушла...

- Если бы меня никто не спас, то меня бы сейчас не было здесь, - ответила она

тусклым голосом.

Она много раз думала, что было бы с ней, если бы тогда не вмешался Маркус. Она вообще не представляла, что Маркус тоже пришел в секту, чтобы ее найти и спасти. А если бы тогда Маркус отказался помогать Тору ее искать? Что бы тогда было? Дженинг бы ее изнасиловал, потом была бы массовая свадьба, она перестала бы быть Яреци Фернандез. Смогла бы она забыть Тору и Кимико? Она знала ответ. Никогда. Она никогда не сможет забыть Тору и Кимико.

- Полагаю, меня бы убили, - тихо договорила она дрогнувшим голосом. - Я не хотела... я... не могу забыть это. Впрочем, вам без разницы. - Вздохнула она и отстранилась от стены. Голова по-прежнему болела и кружилась, и вряд ли она сможет дойти до метро. Ладно, постоит еще немного здесь.

Акихико Хасэгава

- И вам это кажется нормальным - просто молчать, когда тебя бьют? - В голосе Акихико послышались легкие презрительные нотки. Он ценил женскую мягкость, но совершенно не принимал пассивности, превращающей женщину в куклу в чужих руках, не способную хоть как-то противостоять чужой воле. - И вы серьезно надеялись попасть домой после своей просьбы вас отпустить? Конечно, садисты именно так и поступают - отпускают жертв, если те просят. Вот скажите, вы такая наивная или просто глупая?

Акихико скептически покачал головой. Даже мармеладные взгляды Юлианы не шли ни в какое сравнение с этим безобразием. Хотя, чем больше он узнавал, тем сильнее ему казалось, что Яреци в каком-то смысле нравится ее роль великой страдальцы.

- Изнасиловали и убили... И вы говорите об этом так, словно подобные вещи нормальны. - Возможно, он и не имел права на подобные слова, учитывая определенный факт его биографии, но сейчас Акихико пытался рассуждать с точки зрения жертвы. - Нормально, когда чьи-то грязные похотливые руки лезут под твою одежду. Нормально чувство беспомощности и полное подчинение какому-то уроду только потому, что он, вроде как сильнее. Вы вообще живете или спите? Или вам это нравится, раз вы предпочитаете постоянно вспоминать свои мучения и даже изображать их на картинах? Может, вам просто хочется чувствовать себя самым несчастным человеком на свете?

В юности Акихико нередко удивлялся образу мысли некоторых людей, словно специально видящих вокруг только плохое и притягивающих это плохое к себе. Но став старше он понял, что они получают взамен нечто важное для себя. Например, чувство собственной исключительности или сочувствие окружающих. А потому постепенно практически перестал удивляться всему, что так или иначе касалось загадочного внутреннего мира постороннего человека, ценя того, кто снова мог вызвать у него искреннее недоумение.

Яреци Фернандез

- Я... - начала девушка, а потом сглотнула. Голова болела настолько сильно, что было очень тяжело воспринимать сказанное и оставаться в реальности. Ей

хотелось, чтобы сейчас от нее отстали, оставили в покое, но она не знала, как отвязаться от этого человека. Почему он привел ее в это кафе, которое находится рядом с тем местом, где ее могли убить, если бы не Маркус? Почему он интересуется Дженингом? Зачем она вообще стала что-то писать, ведь, наверное, у нее нет таланта? Тору не особо следит за ее творчеством, и она сама не показывает ему свои картины. Потому что ее болтовня про картины может его отвлекать.

Яреци зажмурилась, а потом открыла глаза. Первым, что она увидела, был демон. Он стоял на том же месте, он ухмылялся и ждал ее. Девушка вжалась в стену и закрыла лицо руками. Дрожь стала сильнее. А слова этого человека эхом отдавались в сознании.

- Я пыталась уйти. Но я была там не одна. Нас в этой квартире было человек семь. Я... пыталась уйти, но мои попытки пресекались. Я слышала, что несколько адептов просто исчезли. Они... их забили до смерти. В тот день я нашла телефон и отправила сообщение Тору. И... потом я оказалась здесь.

Как ей сказал Тору, никакого сообщения не приходило. Может быть, она ошиблась тогда, а может он просто так сказал, чтобы она от него отстала? Может он уже тогда разорвал с ней отношения, когда она хлопнула дверью и ушла? Может, не стоило ей возвращаться, просить у него прощения? Наверное, не стоило тогда к нему ехать, когда он надрался и приехал на их старую квартиру. Надо было просто в тот день отвезти его домой и уйти. Наверное, это был бы правильный вариант.

- О, конечно. Так легко все забыть! Ведь это было в прошлом, зачем это вспоминать? Зачем думать об этом, вздрагивать от любого шума, когда сидишь один дома? Ведь нормальные люди все забудут. Нет, не так. Нормальные люди будут просто молчать в тряпочку, сидеть дома и не переживать по поводу того, что мир покидают люди, с которыми ты виделся раза три в жизни, и которых ты не должен называть родственниками. Да, нужно быть циничной тварью, и тогда да, не будет ничего, - прошипела Яреци. Демон никак не хотел уходить, он стоял на том месте. А рядом стоял живой демон. - Если я такая тварь, то зачем он вообще пришел, зачем мне позвонил, когда ему было плохо? Почему он мне не помог, когда мне было плохо? Он просто снял кольцо и сказал, что разводится со мной. Зачем он мне тогда позвонил? А вы? Что вам надо, сеньор Хасэгава? Почему вы меня пригласили именно в это кафе? Это он вас послал, да? Он хочет расправиться со мной? Мне сказали, что он погиб при задержании, но...

Яреци из последних сил старалась не срываться. Ее тело пробивала очень крупная дрожь, руки стали ледяными, на лице выступили капли пота. И страх, животный страх, липкими ручонками сковывал ее душу. Она судорожно всхлипнула и опустила голову. Где-то отголосками сознания она понимала, что эти страхи необоснованы, но ничего не могла с собой поделать. И картины были здесь ни при чем. Они были всего лишь картинами. По крайней мере, кроме этого человека никто больше не спрашивал у нее о них. Даже Тору.

Акихико Хасэгава

То, что начала говорить Яреци в ответ на его слова, больше напоминало концентрированный бред. Девушка смешала в кучу все подряд: свои воспоминания о

секте, страхи, обиды на мужа, а может и еще что, пропущенное Акихико мимо ушей из-за обилия неструктурированной информации. И это ее словоизлияние показывало полнейшую потерю адекватности, требующую соответствующих мер.

- Хватит бредить. - Акихико подошел к девушке вплотную, прихватил за плечи, заставляя выпрямиться, а потом ощутимо потрянул. - Еще раз спрашиваю, тебе это нравится?

Его голос звучал резко и не выражал никакого бесполезного сочувствия. А для пущего эффекта Акихико отпустил плечи Яреци и обхватил ладонями ее лицо, заставляя девушку смотреть в свои сегодня темно-серые глаза, не выражающие никаких эмоций.

- Ты так и хочешь оставаться вечной жертвой? И по отношению к садистам, и в семейной жизни? А, может, ты жаждешь, чтобы кто-то добился своего. Или ждешь, что некто облегчит твои страдания? Если хочешь, я тебе помогу. Прямо здесь и сейчас прерву твои муки. Мне не сложно...

Акихико очень надеялся, что их "милая" беседа, пусть и на японском языке, не привлечет особого внимания случайных прохожих и будет воспринята, как разборки парочки. Хотя Яреци в своем состоянии наверняка никого не замечала, чем он и планировал воспользоваться, позволяя себе сомнительные предложения, в которые здравомыслящий человек не поверил бы никогда.

Яреци Фернандез

От того, что ее потрянули стало как-то по-другому. Не спокойней, нет. Было страшно, страх липкими ручонками продолжал проникать в ее сознание, выкручивая его наизнанку, оставляя рубцы, которые, наверное, никогда не заживут. Но из-за действия этого человека что-то поменялось. Исчез демон. Теперь около той стены никого не стояло.

А потом молодой человек взял ее лицо в свои ладони и заставил посмотреть на него. Холодный, пронзительный взгляд темных глаз проникал в ее сознание, и она ощутила головную боль. Нет, он не пользовался никакой магией, это просто она боялась смотреть людям в глаза. Боялась, что залезет в их мозг.

Синие нити потянулись к сознанию молодого человека, но в самый последний момент она остановилась. Вздрыгнула.

- Вы... вы убивали уже кого-то? - спросила она. - Но я... не хочу... если я... исчезну, то... Тору, он же не сможет без меня. Не справится. А Кимико... она... она же любит меня? И он тоже любит? Я...

Она снова вздрогнула и опустила глаза.

Акихико Хасэгава

Его действия возымели эффект, возвращая девушку в относительно адекватное состояние. Только вот ее пассивность нравилась Акихико ничуть не больше, чем состояние, в котором Яреци находилась за минуту до этого. Скорее, эта вялость и

надежда на то, что "добрый дяденька" ее отпустит только потому, что она, вроде как, не готова умирать, его раздражала и вызывала желание вытрясти из девушки весь "мусор", накопившейся в ее голове.

- А если убивал? - Акихико убедился в том, что вокруг никого нет и не наблюдается камер видеонаблюдения и только после этого позволил своим рукам скользнуть на шею девушки, пока еще мягко ее обхватывая. - И хочу сделать это снова? - Его пальцы начали давить чуть сильнее. - Неужели ты думаешь, что какое-то неуверенное блеяние сможет меня остановить? Мне плевать, кто там тебя любит. Какое мне дело до чужих мужей и дочерей, если я жажду увидеть, как страх в твоих глазах сменяется пустотой, и они закрываются навсегда?

Естественно, убивать, да и вообще причинять Яреци хоть какой-то ощутимый физический вред Акихико не планировал. Более того, он прекрасно понимал, как сильно сейчас рискует, если девушка начнет звать на помощь или неожиданно появится свидетель, не понимающий контекста всего происходящего. Но почему-то не мог остановиться, признавая, что в определенных ситуациях его рациональный ум и выдержка продолжали давать сбой.

Яреци Фернандез

И снова страх липкими ручонками проникает в ее сознание. Ее не хотят отпускать, ее будут пытаться снова и снова, пока она не умрет. К тому же этот человек сказал, что он убивал. И ему это нравилось. Может, он действительно может ее убить? Дрожь была настолько сильной и крупной, что ей казалось, что еще немного, и ее сдует. Хотя ветра особо не было.

А потом он схватил ее за горло и стал сжимать. Это было больно. Воздуха не хватало. Скорее всего, воздуха не было из-за судорожных вдохов, подобно тем, которые делает утопающий, пытаюсь хоть как-то помочь себе.

Страшно. Очень страшно. Хочется все это прекратить, но как? Как стать смелее, сильнее? Она трусиха, она всегда всего боялась, она не умеет смотреть страху в глаза. Но что можно сделать? Как перестать бояться? Она никогда не умела драться, она боится боли.

Ей вспомнилась ужасная сцена в горах, когда Тору бросился на людей, спасая ее и Джуна. Разгоряченное страхом сознание угодливо подкидывало картинки, что Тору бросился спасать своего племянника, а не ее саму. Потому что она должна сидеть дома, воспитывать дочь. И не возникать. И тем более не уходить с дочерью в горы, чтобы спасти Маркуса, когда тот был гиеной.

Нет, это все неправда! Тору спасал ее, он никогда не подверг бы ее опасности. Она сама должна была делать все возможное, чтобы не было этой опасности. Но она совершенно ничего не делала. Папа был прав, говоря, что она никогда никого не любила.

- Нет, это неправда! - прошипела она и схватила человека за запястье руки, сжимающей ее горло. Сильно сжала. Что она умеет? Она ничего не умеет. Она даже, осознав, что находится в аду, не смогла применить ментальную магию, чтобы

хоть как-то выбраться. Она слаба, душой и телом. Она не может так больше. Нужно спастись. Ведь вдруг этот человек действительно хочет ее убить?

Сглотнув, хотя это было больно делать из-за ладони, сжимающей горло, она заглянула в глаза человеку. Снова нити потянулись к его сознанию. Они преодолели преграду в виде линз и отправились гулять по его сознанию. Она напряглась, стараясь сделать что-то больное, уничтожить что-то. Его сознание ничем не было защищено, и она вылавливала разные мысли. Она не вглядывалась в них, просто хотела сделать что-то болезненное.

Акихико Хасэгава

Берясь за горло девушки, Акихико не хотел переходить границы и давить слишком сильно. Но и просто оставить руки на шее, ограничиваясь словесными угрозами он не мог, если хотел добиться какого-то эффекта. А потому позволил себе нажать чуть сильнее, полагая, что дальше страх сделает свое дело, заметно преувеличив силу нажима. И, судя по выражению, застывшему в больших серых глазах Яреци, его расчет оказался верным. Девушка верила в реальность всего происходящего, но пока не проявляла желания как-то побороться за свою жизнь. Даже этот ее жалкий вскрик и жест, когда Яреци схватила его руку, не смогли бы произвести серьезное впечатление и на достаточно слабого мужчину. Чего уж тут было говорить о нем самом, немало времени потратившем на развитие собственного тела.

- Плохая попытка. - В какой-то момент Акихико показалось, что в девушке произошло какое-то изменение, но пока не стал придавать этому особого значения. Сейчас она еще сильнее, чем раньше, напоминала его мать. Слабую, не способную противостоять воле отца даже ради своего единственного ребенка. Довольствующуюся любовью к сыну, которую она боялась проявлять, словно в такой любви для него был хоть какой-то толк.

Как назло почему-то именно сейчас ему вспомнилось дурацкое фортепиано, на котором мать учила его играть с пяти лет, и ее легкий отказ от так любимых им уроков, только потому, что отец считал необходимым увеличить количество более полезных на его взгляд четырнадцатилетнему подростку занятий. После чего Акихико так разозлился, что вообще перестал играть, позволив себе дотронуться до клавиш только один раз через много лет. А еще, отчасти, благодаря этой ситуации, он перестал жалеть мать, с этой извечной печатью скрытого страдания на красивом, даже уже в возрасте, ухоженном лице, которое Акихико смог увидеть за время своего недолгого возвращения в Японию только один раз, пусть накануне своего вылета в Пекин и звонил матери не менее десятка раз, так и не дождавшись в ответ ни одного слова.

Яреци Фернандез

Синие нити блуждали по его сознанию, и девушка не знала, что хочет найти в его мыслях. Она всегда причиняла всем боль, используя ментальную магию. Она приказала Маркусу рассказать, что тот делал с ее мамой, она заставила Стефано забыть о магии Воздуха. Она сражалась с Дарсией, потому что... для чего она сражалась с подругой? Что она хотела показать ей? Что она крутая и может защитить Маркуса? Или то, что она не достойна называться матерью, подругой, женой...

В сознании Акихико достаточно ярко поскальзывал образ какой-то женщины. Судя по всему, это была его мать, так как было в этих образах что-то общее. Вот, эта женщина учит Акихико играть на фортепьяно, а потом подросток почему-то перестал играть, хотя ему это нравилось.

Яреци блуждала по его сознанию и понимала, что его отношения с матерью не такие идеальные. Он не сильно скучал по ней, а вот она... что думала эта женщина о своей сыне Яреци не могла знать. Но она поняла одно - ее отношения с Дочерью потом могут быть такими же, как его отношения с матерью. То есть никакими. Кимико спокойно живет без нее, с папой, и... нет, она этого не хочет.

- Вы не сможете меня убить, Хасэгава-сан, - прошептала она, прекращая ментальное воздействие. В этот раз она не причинила никому боли, что стало даже для нее самой неожиданностью. - Я... отпустите меня, пожалуйста, - проговорила она и снова попыталась убрать его руку со своей шеи. В этот раз получилось.

Акихико Хасэгава

Изменение, которое Акихико почувствовал в девушке незадолго до этого, стало ощущаться еще сильнее. В ее голове явно что-то происходило, хотя мужчина и не был уверен в полезности возникающих у Яреци мыслей для нее самой. Но даже этого небольшого изменения хватило, чтобы Акихико не стал сильно сопротивляться новой попытке сбросить его руку, самостоятельно опуская вторую и отстраняясь от девушки на шаг.

- Мотидзуки-сан, - начал он уже своим обычным тоном. - Никогда ни о чем не просите человека, который пытается вас задушить. Это бесполезно. Делайте все, что в ваших силах ради себя или близких вам людей. Полагаю, рядом с вами хватает тех, кто дорожит вашей жизнью.

В его голову пришла странная мысль, что случись что-то сейчас с ним самим, и не нашлось бы даже человека, готового кормить осиротевшего кота. И именно этот факт огорчил Акихико намного сильнее, чем отсутствие у него каких-либо значимых связей, не имеющих отношение к работе, заставляя задуматься о знакомстве с соседями.

- А убить я вас не могу только по одной простой причине - не имею ни малейшего желания это делать. Если бы хотел, ваши вялые попытки скинуть мою руку и попытаться договориться меня бы или любого другого убийцу или насильника не остановили. Не забывайте об этом в будущем. Хотя, надеюсь, вам больше не придется попадать в подобные ситуации.

Акихико замолчал и окинул девушку взглядом, пытаясь понять, чего же к ней прицепился и почему взялся учить уму-разуму, вместо того, чтобы, немного позабавившись, не пойти своей дорогой. Хотя ответ, вероятно, крылся в его отношении к совсем другой женщине, которой в свое время никто не решился вкрутить мозг на место, позволяя превратиться в бледную тень, безропотно следующую за своим мужем.

Яреци Фернандез

Яреци судорожно всхлипнула, когда молодой человек отпустил руку и отошел от нее на шаг. Сглотнула и вздрогнула. Голова продолжала болеть, сильно ломило виски, и она с огорчением поняла, что не сможет добраться до дома. Хотя у нее есть немного денег, и здесь где-то стоянка такси. А может просто забиться в какой-нибудь угол и переночевать. Чтобы успокоиться. Но она никогда не ночевала на улице. Она просто не выживет.

Она внимательно посмотрела на молодого человека. Она и сама понимала, что все это глупо, но она не была бойцом. Она не умела защищаться, драться, воевать. Она никогда не брала в руки оружие, первый раз она взяла в руки вакидзаси на мастер-классе, который проводил Тору. Потом она брала в руки тессен. И... все, она больше ничего не брала и не делала. Она просто не сможет защититься. Спасти себя.

Молодой человек вспоминал свою мать. Сейчас Яреци из-за страха не могла понять, почему именно эти мысли заполонили его мозг. Но в них крылось что-то. Вдруг его мысли о матери могут ее изменить? Нет, это бред.

- Как мне справиться с этим? Я... я должна была учиться драться? Не читать, получать образование и мечтать о любви, а прокачивать физическую подготовку? Но меня учили, что девочке нельзя драться. - Произнесла она упавшим голосом. - Ладно, вы не обязаны мне ничего говорить и помогать. Я... простите.

Глубоко вздохнув, она тыльной стороной ладони стерла слезы и пот, а потом оторвалась от стены. Ноги сильно дрожали, было страшно, а головокружение не давало сделать и шага. Она снова прислонилась к стене и опустила голову. Нужно немного постоять, подышать воздухом, и тогда станет легче.

Акихико Хасэгава

Вся эта ситуация со стороны, вероятно, выглядела более чем странно. То они с Яреци относительно мирно беседовали, то он сжимал, пусть и не сильно, девичье горло, а то несостоявшаяся жертва и вовсе спрашивала его мнение по волнующим вопросам, словно Акихико подходил на роль доброго советчика. Хотя даже не имея намерения нести свет и добро, игнорировать заданные вопросы мужчина не стал, не видя ничего зазорного в высказывании собственных мыслей на эту тему.

- Умение противостоять и умение драться - это разные вещи. Хотя последнее тоже не помешает. Даже если вы чего-то не делали раньше - никогда не поздно начать. Кто действительно чего-то хочет - всегда найдет возможность. - Здесь Акихико немного преувеличивал, поскольку желания имели обыкновение нередко сталкиваться с возможностями, но сейчас был важнее посыл, а не нюансы.

- Что же до остального... Научитесь не прокручивать в своей голове кучу негатива, а прямо говорить заинтересованным лицам о своих переживаниях и тревогах. Толку будет больше.

От Акихико не укрылось то, с каким трудом Яреци держится на ногах. И раз он неожиданно для себя сегодня взялся играть роль эксцентричного благодетеля, решил и дальше быть последовательным в своих словах и поступках.

- Если что, мое предложение в силе. Могу подбросить вас до дома. Обещаю больше вас не душить, да и вообще не делать ничего противозаконного.

Несмотря на свое сомнительное прошлое, Акихико предпочитал не нарушать закон, выступая против даже небольших финансовых махинаций, к которым его так или иначе пытались склонять некоторые нечистоплотные коллеги и партнеры.

Яреци Фернандез

Она говорила Тору о своих переживаниях, связанных со смертью мамы. Она говорила Тору о своих переживаниях, связанных с плохим состоянием папы, когда тот заработал инфаркт, но Тору, как ей казалось, было безразлично её переживание. Ведь с папой ничего не случилось, и зачем лишний раз переживать? Но ведь ей об этом даже не сразу сказали. Потому что она истеричка. А смерть... да, круг жизни и всё такое. Просто это больно и страшно.

А может, это просто она действительно тупая истеричка, которая когда-то влюбилась в оболочку, а потом это стало патологической привязанностью к Тору, и никакой любовью с её стороны тут не пахло? Может она даже не любит Кимики? Но как это - любить? Или это просто детские розовые очки, и нет никаких чувств, а есть только быт? Быт, от которого она хотела убежать, который её душил и тянул на дно...

Было по-прежнему тяжело. Сильно болела голова, было страшно, и она неуверенно кивнула на предложение молодого мужчины. Отошла от стены и поморщилась от неприятной боли в голове. Надо просто дойти до его машины, а потом будет легче. Все слова этого человека оставались в её памяти, и она решила потом подумать над этим.

Акихико Хасэгава

На его предложение Яреци ограничилась кивком, видимо, временно потеряв способность к связной речи. Да и вообще, выглядела она так, словно собиралась прямо здесь и сейчас рухнуть, демонстрируя чрезмерную и явно вредную впечатлительность. И, видя как девушка вяло переставляет ноги, Акихико чуть было на автомате не предложил ей ухватиться за его руку, остановив себя в самый последний момент. Такое действие полностью противоречило бы его недавним словам о необходимости справляться со всем самостоятельно. Так что он оставил Яреци разбираться с состоянием, в которое она сама себя загнала, без посторонней помощи.

- Что же, пойдемте. - Акихико отвернулся от девушки и в среднем темпе направился к машине, специально не проверяя, успевает ли она за ним следом. - Правда, сделав несколько шагов, он все-таки остановился, чтобы добавить, так и не повернувшись к Яреци. - Полагаю, вас сейчас ждет дочь. Надеюсь, вы научитесь не только говорить, но и слушать, и слышать. В первую очередь, ее. Если вы, конечно, хотите, чтобы слово "мама" не стало формальным.

После этого Акихико больше не останавливался, быстро добравшись до своей новой машины, заняв место за рулем и ненадолго прикрыв глаза, ожидая девушку,

для которой оставил соседнюю дверцу открытой.

Яреци Фернандез

От молодого человека не последовало предложения помощи, что, в принципе, было ожидаемо. Сейчас бы она не стала просить его о помощи, так как он вроде предложил ее подвезти до дома. Это уже помощь. Хотя, как ей казалось, он мог спокойно уйти, оставив её здесь одну. Она бы дошла до дома. Пусть было бы тяжело, но... она нужна Кимико, и дочке без неё, наверное, будет тяжело. Слова молодого человека по-прежнему откладывались в сознании, увиденное в его мыслях тоже, и она стала думать, что с этим делать.

В машине было прохладно, и она поёжилась. Она даже не обратила внимания, что на улице было холодно, а может быть это просто закончился выброс адреналина, после которого начинает колотить. Так было только один раз, после родов. Почему-то сейчас ей вспомнилось, как она рожала. Вспомнился Тору, который искренне радовался рождению дочки. Вспомнился папы, который её навестил через несколько дней.

Увиденные картинки в сознании молодого человека не давали ей успокоиться. Она прикрыла глаза и задумалась. Машина плавно поехала по дороге, а потом затерялась в потоке других машин. А Яреци продолжала молчать и думала о каких-то словах. Особенно о последних. О том, что слово "мама" может просто стать формальным. Она не хотела, чтобы так было. И было понятно, что с этим надо было что-то делать. Притом делать как можно быстрее, пока не стало совсем поздно.

Вскоре машина остановилась у дома, и девушка открыла глаза. Вздохнула и открыла дверцу.

- Спасибо вам, Хасэгава-сан, что проводили меня до дома. И... Просто спасибо.

Она вылезла из машины.

Акихико Хасэгава

Как он и предполагал, Яреци прекрасно справилась без его помощи, добравшись до машины и спокойно заняв место рядом. Причем, выглядела она при этом достаточно расслабленной, словно не ее только недавно угрожали задушить, судя по всему больше не видя в нем для себя какой-то угрозы. И эта перемена, особенно на контрасте с их первой встречей, Акихико прилично удивляла, поскольку девушка уж никак не могла знать о его истинных намерениях.

Дорога до дома Яреци, находящегося до неприличия близко к его новому жилищу, прошла практически в молчании, которое мужчина сознательно не нарушал. Ему казалось, что он и так сказал уже слишком много, выйдя за рамки привычной игры. А потому на прощание ограничился только парой незамысловатых фраз.

- Не припомню, чтобы делал что-то хорошее, но пожалуйста. - Акихико усмехнулся тому, как странно звучала благодарность из уст женщины, на чьей шее еще недавно были его руки. - Доброй ночи, Мотидзуки-сан.

На этом их своеобразное общение и закончилось. Девушка отправилась домой, а он сам снова тронулся с места, предпочитая забыть и о Яреци, и о ее проблемах. Сейчас ему предстояло решить более насущный вопрос - разобраться с последствиями шалостей скучавшего весь день в одиночестве Акумы, который оправдывал свое имя, частенько ведя себя как маленький демон, и на которого Акихико даже при желании не мог серьезно злиться.
